

Грицай Людмила Александровна

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики
Рязанского заочного института (филиала)
Московского государственного университета
культуры и искусств
dom-hors@mail.ru

**ИДЕАЛЫ
РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ИЗУЧЕНИЯ УСТНОГО НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА)**

Аннотация:

В статье рассматривается родительское воспитание детей как философско-исторический феномен русской традиционной культуры. На материале устного народного творчества определяются ведущие положения теории народного воспитания. Предлагается преимущественный анализ всех положений, на основе которых делается вывод о философско-педагогических идеалах понимания сущности воспитания детей в семье.

Ключевые слова:

фольклорная традиция, материнство, отцовство, родительское воспитание, идеалы родительского воспитания.

Gritsay Ludmila Alexandrovna

PhD in Education Science,
Senior Lecturer of the Psychology
and Education Science Department,
Ryazan Correspondence Institute,
branch of Moscow State University of
Culture and Arts
dom-hors@mail.ru

**IDEALS OF
PARENTING
IN TRADITIONAL
CULTURE OF RUSSIA
(CASE STUDY OF
FOLK HERITAGE)**

The summary:

The author carries out a research of parenting as a philosophic and cultural phenomenon of the traditional culture of Russia. Basing upon the folk literature the article defines principle regulations of the upbringing. The author analyzes these regulations and elicits the philosophic and educational ideals of the parenting.

Keywords:

folk tradition, motherhood, fatherhood, parenting, ideals of parenting.

Ни для кого не секрет, что фольклорное наследие того или иного народа всегда представляет собой большой интерес для ученых. И это неудивительно, так как в устном народном творчестве, передаваемом из поколения в поколение, сохраняются важнейшие черты того особого мировидения, которое определяет специфику народного сознания.

Человеческие отношения отражены в русском фольклоре во множестве сюжетов и образов. И, безусловно, отношения семейные также находят в устной народной традиции свое достойное место. Более того, как отмечает М.Г. Королев, особенностью русского фольклора является его педагогичность: хотя не было специальных детских жанров фольклора (кроме поэзии пестования), но воспитательное влияние его трудно переоценить [1, вып. 5, с. 142]. Таким образом, русский фольклор помогает нам увидеть и понять идеал родительского воспитания детей, исконно присущий нашему этносу.

При этом заметим, что народные представления о сущности родительского воспитания глубоко уходят своими корнями в пракультуру человечества.

Подобные мифологические представления исходят в первую очередь из священного понимания самого родительства. Как и для большинства народов, для русского этноса было характерно глубокое почитание родителей, олицетворявших собой древнейшие архетипические образы Матери-земли и Неба-отца (как известно, это супружество рождающих божественных ипостасей является одним из общечеловеческих мифов, запечатленных в письменной форме еще со времен архаических цивилизаций: Древнего Египта, Месопотамии и др.).

«Находящемуся на небе отцу – сияющему небу – соответствует оплодотворяемая небом обожествляемая земля (часто в противоположность светлому – «темная», «черная») как женское божество мать. Наличие таких сложных сочетаний, как «небо – земля», дает основание предполагать мифологический мотив единства неба и земли как некой древней супружеской пары – прародителей всего сущего» [2, с. 529], – пишет Е.В. Антонова. По мнению О.Г. Радченко, в восточно-славянском фольклоре дуалистичность образов священных родителей также нашла свое яркое воплощение. Примером тому служат различные жанры фольклора: загадки («Мать – низко, отец – высоко»); заклинательные формулы («Ты, Небо, – отец, ты, Земля, – мать!»); приговоры при сборе целебных трав («Отец-небо, земля-мать, благослови свою плоду рвать!..»); заговоры, в заключительной части которых часто используется формула: «К тем словам небо и земля – ключ и замок»; поговорки, отражающие связь Неба и Земли: «Не земля родит, а небо»). При этом образ божественного Отца ассоциируется с огнем и светом, проявляющимися в свечении, белизне, яркости (отсюда фольклорное «свет-батюшка»), а образ божественной Матери – неразрывно связан со стихией воды, то есть с влагой («Мать-сыра-земля») [3, с. 19–25].

Уважительное отношение к материнству, связанное с культом Матери-земли, сохранилось во множестве русских пословиц, поговорок, изречений («Мать-сыра-земля всех кормит, все поит, всех одевает, всех своим теплом согревает», «Добрая мать для своих детей, а земля для всех людей» [4, с. 33]; «Матушка-кормилица, сыра-земля родимица!»; «Не лги – земля слышит»; «Грех землю бить – она наша мать»; «Питай – как земля питает, учи – как земля учит, люби – как земля любит» [5]. Образ сырой земли также связан и с нравственным запретом («Мать-сыра-земля говорит нельзя») [6].

Помимо образа Матери-земли, у восточных славян было широко почитаемо божество, принявшее на себя функции Отца-неба, а вернее, ставшее одной из его ипостасей, «сидящее на воздухе», «ездящее на облаке» и «повелевающее землей», – Б.А. Рыбаков называет Рода. «Сварог («Небесный»), Стрибог («Бог-отец») и Род («Рождующий») – все эти слова могли означать одно мужское божество» [7, с. 416]. Главная характеристика этого бога – сила, неудивительно, что эта же характеристика является основной для образа фольклорного отца. Образ отца в русских сказках сопоставляется с образом царя, дающего своим сыновьям задания и требующего от них послушания. Образ царя-батюшки – это тоже образ владыки, который, с одной стороны, несет ответственность за своих детей, а с другой – волен распоряжаться их судьбами.

Как отмечает в своих работах К. Юнг, архетип матери, связанный с культом земли, и отца, связанного с культом неба, характерен для всей человеческой культуры. С архетипом матери «ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящие пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» [8, с. 218]. Архетип Отца, по Юнгу, определяет отношение человека к мужчине, к закону, к государству, к разуму, а первоначально архетип Отца может быть образом Бога, власти, борьбы, образом всех стихийных сил, готовых помочь или навредить [9].

Таким образом, мифологические представления о сущности родительства, восходящие к древнейшим архетипическим образам, создали в русской народной традиции укорененный в коллективном бессознательном устойчивый идеал матери и отца, а также определили обязательное требование к детям глубоко почитать своих родителей. Причем отношения детей и родителей строились на четком доминировании последних и подчинении первых, что не могло не отразиться на процессе воспитания. Русские пословицы, записанные В.И. Далем и И. Снегиревым, указывают на эту иерархию отношений роди-

телей и детей: «Хозяин в доме, что медведь в бору» [10, с. 548], в которых отец как глава патриархальной семьи сравнивается с хозяином леса – медведем; «Хоть по-старому, хоть по-новому, а все отец старше сына» [11], где иерархия отношений оправдывается возрастом родителей; пословицы, требующие послушания детей воле родителей: «Родительское слово мимо (на ветер) не молвится» [12], «Сыну послушливу отцев приказ не тягостен» [13, с. 438]; и даже пословицы, позволяющие детям только после смерти родителей жить по «своей воле»: «Батьку, матку земля взяла, а нам, деткам, воля своя», «Отца-мать попрятал, в свою голову завякал» [14].

Анализ фольклорных источников и трудов историков свидетельствует и о том обстоятельстве, что идеал родительского воспитания исходил из необходимости осуществления родителями ритуально-мистических обрядов для защиты своего ребенка от злых сил. Выполнение этих обрядов, по суждению В.В. Долгова, и понималось как проявление родительской любви [15, с. 45].

Таким свидетельством материнской любви и заботы о детях становятся колыбельные песни, тексты которых частично сохранились в русском фольклоре. Г.Н. Волков в своих работах приводит многочисленные отрывки из древних колыбельных песен, подчеркивая, что в колыбельной песне нежность матери представлена необыкновенно концентрированно: девочку называют «моей милой», «моей хорошей», «моей пригожей», «дитей маленькой», «дитей крошечной», употребляются разные варианты ласкательных имен, повторяются ласковые слова «люли», «баю». В песнях нежность переносится и на окружение ребенка, в них – и «котинька-коток», «кудреватенький лобок», «серенький хвосток», и «пояски все шелковенькие», и «платочек беленький», и «колыбель-люлечка» [16, с. 92–93]. В работах ученого мы можем встретить примеры материнских плачей по умершим детям, которые также полны искренней любви и глубокого горя. Например, Г.Н. Волков рассматривает достаточно древний фольклорный текст «Плач по сыне», в котором матери «жалъ тошнешенько сердечного дитятка» и она плачет не только о том, что «о сыру землю рожденье укрывается», «во глубок погреб рожденье опускается» [17, с. 101].

Таким образом, мы видим, что идеалом родительского поведения является материнская любовь к детям, которая проявляется не только в ласке и заботе о ребенке, но и в ограждении его от злых сил.

Как известно, особенность традиционной педагогической культуры заключается в том обстоятельстве, что знания о воспитании детей передаются из поколения в поколение устным образом. Однако даже в устной форме народная мысль сохранила знания о процессе воспитания как о трудном и важном деле. Исследуя русские пословицы, собранные В.И. Далем и И. Снегиревым, мы можем выделить среди них большой блок, посвященный вопросам воспитания детей их родителями. Это такие пословицы как: «Детей годовать (воспитывать), век коротать» [18, с. 156]; «Не устанешь детей рожаючи, устанешь на место сажаючи»; «Детушек воспитать – не курочек пересчитать (перещипать)»; «Маленьки детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут»; «Умел дитя родить, умей и научить»; «Не учили, когда поперек лавки ложился; а во всю вытянулся, так не научишь» [19]; «Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить» [20].

При этом знания, которые передавались через устную народную традицию, носили в основном характер внешнего ухода за ребенком: правил пеленания, кормления младенца, ограждения его от злых духов через ритуальные действия, сохранения жизни и здоровья, приучения к труду и послушанию, правил поведения в обществе и т. п. (например, пословицы: «Огонь горячо, а дитя – болячо»; «Сосун – не век сосун, через год стри-

гун, а там пора и в хомут» [21] и т. д.). Поэтому в фольклорных источниках мы можем встретить лишь малую толику представлений о внутреннем развитии дитя. Например, это пословицы: «Сын запоет – и отец не уймет. Сын мой, а ум у него свой» [22]; «Во всяком хлебе мякина есть; бывает добр и худ детина» [23, с. 81].

Анализ фольклорных произведений, посвященных воспитанию детей и родительству, позволил нам предположить, что в качестве главной ценности в традиционной педагогической культуре выступает *ценность семьи как общности всех ее членов*. Именно семья выступает в народном сознании в качестве главного воспитателя, определяя процесс преемственности поколений в сохранении и передаче духовно-нравственного и хозяйственного опыта.

Следующей безусловной ценностью родительского воспитания детей является, на наш взгляд, *ценность уважения к родителям и послушания воле родителей*. Эту ценность особо выделяет Д.И. Латышина как характерную черту русского традиционного семейного уклада. Исследовательница замечает, что дети обязаны были во всем слушаться родителей, опекать их в старости и оказывать им почтение и повиновение. Дочь или сын вообще не имели права противоречить отцу. С жалобой на непокорность детей, если такое случалось, родители обращались к общине, и сход всегда без разбирательства принимал решение в пользу старших, наказывал детей [24, с. 112].

Объясняет значение этой ценности русская народная пословица «Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает» [25], которая рассматривает ценность уважения к родителям и послушания им как залог жизненного блага детей. Фактически эта ценность соотносится с ценностью следования установленному порядку жизни, так как родители являются для своих детей трансляторами жизненного опыта, следуя которому дети воспроизводят из поколения в поколение веками сложившиеся нормы и ценности бытия.

Последней ценностью традиционной педагогической культуры, на наш взгляд, является *ценность детей*. Произведения русского устного народного творчества свидетельствуют о том, что дети представляли собой ценность для их родителей. Фольклор сохранил до нашего времени следующие пословицы: «Сколько в лесу пеньков, столько и вам сынков. Сколько в лесу кочек, столько и вам дочек»; «Малы детушки – что часты звездочки: и светят, и радуют в темную ноченьку»; «Кто красен дочерьми да сыновьями в почете, тот в благодати» [26, с. 32]; «Полна хата детей, так счастье в ней» [27, с. 32]; «У всякого первенец родится: во лбу светлый месяц, за ушами ясны звезды»; «Сын да дочь – красные детки»; «Сын да дочь – домашние гости»; «Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц»; «У кого детки, у того и ягодки»; «Который палец ни укуси – все одно: все больно (дети)» [28]. При этом бездетность рассматривается как тяжелое бремя и определенная неполноценность родителей (прежде всего матери): «Не умела родить ребенка, корми серого котенка»; «Ласкай и кота, коли не родила дитя» [29].

Заметим, что русские народные пословицы указывают на особое значение для родителей «родных» детей, которые всегда милее «чужих». Сюда входит достаточно большая группа пословиц, например, «Всякому свое дитя милее» [30, с. 58]; «Свое дитя и горбато, да мило. Дитя хоть криво, да отцу, матери мило»; «На чужой горбок не насмеюся; на свой горбок не нагляжуся»; «Свой дурак дороже чужого умника»; «Дитя худенько, а отцу, матери миленько»; «Свой бороноволок дороже чужого работника»; «Сладка беседа чад своих. Всякому свое дитя милее»; «Каков ни будь сын, а все своих черев урывочек»; «Болезнь утробы моя (сын или дочь)»; «Кто девку хвалит? Отец да мать»; «У кого девка хороша? – У матки. – У кого сын умен? – У батьки»; «Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка» [31]; «Умен сын Иванушка! Кто хвалит? Матушка!» [32, с. 461]; «Хоть чало, да мое чадо» [33, с. 484].

Однако процесс воспитания детей связан не только с радостями и заботами, но и горем и многими трудностями. Например, так же, как и родительская любовь, в пословицах подчеркивается горе родителей, утративших детей: «На смерть детей не нарожаешься»; «На яму дрязгу не нахламишься, на смерть детей не нарожаешься» [34]. Кроме естественной родительской скорби растущие дети способны принести родителям и другие беды, поэтому часть пословиц замечает: «Детки – радость, детки ж и горе»; «Без детей тоскливо, с детьми водливо (вередливо)»; «С ними (с детьми) горе, а без них вдвое»; «Без детей сухота, с детьми перхота»; «У кого детки, у того и заботы (и бедки)» [35]. На наш взгляд, данный материал не умаляет ценности детей, скорее он свидетельствует о трудности самого процесса воспитания, косвенным образом подчеркивая ценность самих детей, ради которых родители идут на определенное самоограничение.

Размышляя о ценности детей, мы не можем обойти стороной тот факт, что ряд русских пословиц рассматривает многодетность как чрезмерно тяжелое для родителей бремя и даже допускает смерть одних детей как необходимое условие для выживания других. Например, «У самой семеро по лавкам и все седуны. Мал мала меньше»; «Детки – на руках железа (или: мозоль)»; «Сын да дочь, да и тех кормить невмочь»; «Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем» [36]. Однако есть и пословицы, напрямую противоречащие данному утверждению: «Много бывает, а лишних не бывает. Много есть, да лишних нет» [37].

Предполагая причины появления данных пословиц, безусловно отражающих черты народного понимания значения детей в семье, мы можем выделить как социально-экономическое состояние общества, определяющееся невозможностью для простого человека прокормить очень большую семью, так и определенную коллективистскую направленность ценности детей, когда значимым был не каждый конкретный ребенок, а дети как целостность, поэтому смерть ребенка одного могла быть восполнена рождением другого. Отсюда, на наш взгляд, исходит другая ценность родительского воспитания – безусловный приоритет коллективного начала над личностным, формирования у ребенка безусловного уважения к семье, роду и социальному окружению, умалению своих интересов перед интересами большинства. Например, русские пословицы «Один сын – не сын, два – не кормильцы»; «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын» [38].

При этом нельзя не согласиться с мнением В.В. Долгова о том, что хотя очень много детей в X–XIII вв. умирало в младенчестве, это не означало «отсутствия чувства привязанности и родительской любви» [39, с. 44]. Напротив, ученый, цитируя В.П. Даркевича, замечает, что «частые смерти детей притупляли боль утрат, что не исключало тяжелых душевных переживаний» [40, с. 44]. Более того, В.В. Долгов полагает, что рождение ребенка в данную эпоху «повсеместно рассматривалось как безусловное благо и божественная милость» [41, с. 44]. При этом, по мнению ученого, продолжение рода было главной и непререкаемой целью жизни подавляющей части населения [42, с. 65]. Таким образом, рождение и воспитание детей рассматривается в русской традиционной культуре в качестве общественно значимого и важнейшего призвания родителей.

Поэтому идеал родительского воспитания предполагает высокую ответственность отца и матери за плоды своего воспитания, которые они будут пожинать сами («Дети воруют, мать горюет»; «Валяй, дети: отец в ответе»; «Отцу-матери бесчестье – роду-племени покор»; «Ни себе на радость, ни людям на послугу (нарожал)»; «Народила, да не научила. Нарожать нарожала, а научить не научила»; «Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станет, так не научишь» [43]).

Анализируя фольклорные источники, мы можем заключить, что в народном сознании существовало представление, согласно которому настоящие горе и скорби родите-

лям приносят не маленькие дети, а взрослые, плохо воспитанные сыновья или дочери. Например, это пословицы: «Детки маленькие – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут»; «Детки подросли – батьку растрясли»; «Малые дети съест, а большие износить не дадут»; «Малые соткать, а большие износить не дадут»; «Малые дети не дают спать, большие не дают дышать»; «С малыми детками горе, с большими вдвое» [44]; «Малыя детки, мало хлопот, а возмужают, так отца испужают» [45, с. 264].

Рассматривая методы родительского воспитания в русской традиционной культуре, следует остановиться на такой паре методов, как наказание и поощрение. Заметим, что русская традиционная культура не только допускает наказания детей, но и относится к ним как к необходимому методу воспитания. Причем в качестве наказаний можно рассматривать практику запугивания расшалившихся детей, образами для такого запугивания являлась нечистая сила: Леший, Баба-Яга, Кощей и т. д. Мистическое начало власти родителей над детьми подчеркивается в народном понимании родительского проклятия как страшной кары для ребенка. Помимо этого использовались наказания как словом, так и побоями. Их применение отразил русский фольклор: «Несчастливы те детятки, которых не журят ни батьки, ни матки» [46, с. 343]; «Розгой в могилу ребенка не вгонишь (не упрячешь), а калачом не выманишь»; «Ненаказанный сын – бесчестие отцу»; «Кулаком да в спину – то и приголубье сыну» [47]; «Плеть – не мука, а впредь наука» [48, с. 370]. При этом наказывать детей было необходимо не на виду у людей, а в кругу своей семьи: «Учи жену без детей, а детей без людей» [49, с. 471].

Однако и в этом случае мы наблюдаем определенную дуалистичность родительских позиций, так как в русской народной сознании сохранился и иной взгляд на физические наказания, отрицающий их безусловную необходимость и исходящий из того, что «ласковое слово пуще дубины»: «Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом», «Детей побоями не учат, добрым словом учат» [50, с. 63]. В этом вопросе можно согласиться с мнением В.В. Долгова: детство как культурный феномен соответствовал характеру данной эпохи, и практика регулярных телесных наказаний и запугивания детей, возможно, выполняла функцию подготовки к взрослой жизни, жестокой и трудной. Так, например, строгие и жестокие подчас меры по ограничению детской подвижности, возможно действительно отрицательно влиявшие на психику, позволяли сохранить жизнь ребенку в условиях, когда родители вынуждены были отлучаться для работы в поле или в мастерской и не могли обеспечить постоянный присмотр [51, с. 45–46].

Помимо метода наказания в родительском воспитании использовался метод поощрения. Он мог носить как словесный характер (поощрение словом), так и материальный (поощрение подарком или иной наградой). Заметим, что чрезмерное поощрение детей как словом, так и делом в русской традиционной культуре подвергается осуждению. В частности, это проявляется в выделении ряда поговорок, посвященных неприятию баловства детей: «Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка»; «Засиженное яйцо всегда болтун (т. е. баловень)» [52]; «Засиженное яйцо всегда болтун, заняченый сынок всегда шатун и маслена головка [то есть щеголь], отцу-матери не кормилец» [53, с. 196]. Интересно, что причину подобной избалованности народная педагогика видит в первую очередь в нарушении полороловой структуры воспитания, когда мать чрезмерно влияет на своего сына: «Матушкин сынок. Матушкин запазушник»; «Бычок-третьячок (о баловне). В подоле выношен»; «Матушкин сынок, да батюшкин горбок (и баловень, и упряма)» [54].

Помимо рассмотренных нами методов, в родительском воспитании использовался метод принуждения (требование, приказ, контроль, запрет); метод примера, недаром русские пословицы отмечают: «Сам пьян, а дети голодны. Сам шатун, дети пошаточки»; «Не мы на детей находим (походим), они на нас» [55]; «Яблочко от яблоньки недалеко от-

катывается» [56, с. 519], «За что батька, за то и детки» [57, с. 184], «Какова matka, таковы и детки» [58, с. 207]; метод убеждения и побуждения (рассказ, беседа, наставление, просьба, ситуативное просвещение, внушение, наказ, побуждение к самостоятельному действию).

Все вышеперечисленное дает нам основание полагать, что для русской традиционной культуры характерно высокое почитание отца и матери как воспитателей, руководителей, кормильцев и защитников своих детей. При этом отец выполняет по преимуществу роль строгого контролера поведения детей, оберегающего их от жизненных невзгод, а мать – любящей наставницы своих детей.

Идеал родительского воспитания определяет и идеал личности ребенка.

Г.Н. Волков утверждает, что идеалом воспитания русской народной педагогики стали образы для девушки – «умница и красавица», а для юноши – «добрый молодец» [59, с. 47]. В обоих случаях подчеркивались такие качества, как ум, красота, трудолюбие, честность, храбрость, великодушие, доброта и скромность. В имени, дававшемся ребенку от рождения (особенно в языческие времена), заключалась как краткая магическая формула, так и благопожелание, например Святослав, Владимир, Любомудр и т. д. Более того, Волков полагает, что идеалом для детей становились родители: «Как только ребенок появлялся на свет, новорожденному мальчику высказывались пожелания: «Будь, как отец, крепок, силен, трудолюбив, гож пахать, топор в руках держать и лошадью управлять», а девочке – «Будь, как мать, приветливой, скромной, ретивой на работу, мастерицей прясть, ткать и узоры вышивать» [60, с. 51].

Анализ произведений русского фольклора позволяет нам заключить, что желаемыми качествами детей, которые стремились сформировать в них их родители, являлся ум, смекалка, трудолюбие, послушание, умение смирять свои потребности ради общего блага семьи, смелость, умение проявлять заботу о родителях, доброта. Например, это пословицы: «Работные дети отцу хлебы»; «Детки хороши – отцу, матери венец, худы – отцу, матери конец»; «Умный сын – отцу замена, глупый – не помощь» [61]. Особо подчеркивают русские пословицы и гендерный аспект воспитания, согласно которому идеальными качествами сына выступает ум, нравственная и физическая сила, трудолюбие, послушание и способность прокормить родителей в старости, а дочери – трудолюбие и послушание: «Сын на сени не посадит, а дочь с сеной не ссадит (т. е. сын не обездомит, дочь не призрит)»; «Дочь – чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай»; «Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям снадобится»; «Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут»; «Добрый сын всему свету завидище» [62].

Таким образом, идеалом родительского воспитания русской традиционной культуры мы можем назвать формирование личности человека, обладающего социально значимыми добродетелями: трудолюбием, верностью своей семье и роду, послушанием воле старших, смелостью, мудростью и находчивостью в принятии жизненных решений. Родительское воспитание понималось как естественный процесс постепенного приобщения ребенка к миру человеческих отношений, нравственности и труда с помощью традиционных представлений о смысле жизни и коллективного мировоззрения.

Ссылки:

1. Королев М.Г. Подготовка к родительству в народной педагогике русских и белорусов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 5. С. 140–147.
2. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.
3. Радченко О.Г. Дуалистичность рождающих образов в славянской мифологии (в аспекте гендера как культурного символа) // Гуманно-личностное пространство сопровождения семьи в реалиях XXI в.: материалы I рег. пед. чтений, 13–14 ноября 2008 г. Волгоград, 2009. С. 19–25.

4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюрков. М., 1985.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1862. [Электронный ресурс]. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html (дата обращения: 27.06.2012).
6. Там же.
7. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 2002.
8. Юнг К. Г. Человек и его символы. СПб., 1996.
9. Там же.
10. Русские народные пословицы и притчи, изд. И. Снегиревым. М., 1848.
11. Даль В.И. Указ. соч.
12. Там же.
13. Русские народные пословицы и притчи ...
14. Даль В.И. Указ. соч.
15. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007.
16. Волков Г.Н. Этнопедагогика : учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. М., 1999.
17. Там же.
18. Русские народные пословицы и притчи ...
19. Даль В.И. Указ. соч.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Русские народные пословицы и притчи ...
24. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). М., 2005.
25. Даль В.И. Указ. соч.
26. Антология педагогической мысли Древней Руси ...
27. Волков Г.Н. Указ. соч.
28. Даль В.И. Указ. соч.
29. Там же.
30. Волков Г.Н. Указ. соч.
31. Даль В.И. Указ. соч.
32. Русские народные пословицы и притчи ...
33. Там же.
34. Даль В.И. Указ. соч.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Долгов В.В. Указ. соч.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Даль В.И. Указ. соч.
44. Там же.
45. Русские народные пословицы и притчи ...
46. Там же.
47. Даль В.И. Указ. соч.
48. Русские народные пословицы и притчи ...
49. Там же.
50. Волков Г.Н. Указ. соч.
51. Долгов В.В. Указ. соч.
52. Даль В.И. Указ. соч.
53. Латышина Д.И. Указ. соч.
54. Даль В.И. Указ. соч.
55. Там же.
56. Русские народные пословицы и притчи ...
57. Там же.
58. Там же.
59. Волков Г.Н. Указ. соч.
60. Там же.
61. Даль В.И. Указ. соч.
62. Там же.

References (transliterated):

1. Korolev M.G. Podgotovka k roditel'stvu v narodnoy pedagogike russkikh i belorusov // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2010. Issue 5. P. 140–147.
2. Antonova E.V. Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Peredney i Sredney Azii. Opyt rekonstruktsii mirovospriyatiya. M., 1984.
3. Radchenko O.G. Dualistichnost' rozhdayushchikh obrazov v slavyanskoy mifologii (v aspekte gendera kak kul'turnogo simvola) // Gumanno-lichnostnoe prostranstvo soprovozhdeniya sem'i v realiyakh XXI v.: materialy I reg. ped. chteniy, 13–14 noyabrya 2008 g. Volgograd, 2009. P. 19–25.
4. Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi i Russkogo gosudarstva XIV–XVII vv. / comp. by S.D. Babishin, B.N. Mityurov. M., 1985.
5. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. M., 1862. [Electronic resource]. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html (date of access: 27.06.2012).
6. Ibid.
7. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnikh slavyan. M., 2002.
8. Yung K. G. Chelovek i ego simvoly. SPb., 1996.
9. Ibid.
10. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi, izd. I. Snegirevym. M., 1848.
11. Dal' V.I. Op. cit.
12. Ibid.
13. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
14. Dal' V.I. Op. cit.
15. Dolgov V.V. Byt i nravy Drevney Rusi. M., 2007.
16. Volkov G.N. Etnopedagogika : ucheb. dlya stud. sred. i vyssh. ped. ucheb. zavedeniy. M., 1999.
17. Ibid.
18. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
19. Dal' V.I. Op. cit.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
24. Latyshina D.I. Istoriya pedagogiki (Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli). M., 2005.
25. Dal' V.I. Op. cit.
26. Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi ...
27. Volkov G.N. Op. cit.
28. Dal' V.I. Op. cit.
29. Ibid.
30. Volkov G.N. Op. cit.
31. Dal' V.I. Op. cit.
32. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
33. Ibid.
34. Dal' V.I. Op. cit.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Ibid.
38. Ibid.
39. Dolgov V.V. Op. cit.
40. Ibid.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. Dal' V.I. Op. cit.
44. Ibid.
45. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
46. Ibid.
47. Dal' V.I. Op. cit.
48. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
49. Ibid.
50. Volkov G.N. Op. cit.
51. Dolgov V.V. Op. cit.
52. Dal' V.I. Op. cit.
53. Latyshina D.I. Op. cit.
54. Dal' V.I. Op. cit.
55. Ibid.

56. Russkie narodnie poslovitsy i pritchi ...
57. Ibid.
58. Ibid.
59. Volkov G.N. Op. cit.
60. Ibid.
61. Dal' V.I. Op. cit.
62. Ibid.